

За городом с грохотом и треском рассыпались фейерверки, озаряя ночное небо яркими вспышками. Повсюду толпились люди, тепло одетые, радостные и праздничные — все высыпали на улицу поглазеть на огненное представление. В самом Поместье Изумрудного Сада, где теперь обосновался Гоудань с семьей, шуметь пиротехникой давно запретили городские власти, но маленькому Бэйшэну ужасно хотелось праздника. Поэтому в самый вечер Юаньсяо — Праздника фонарей, — наскоро поужинав, в восемь часов вся семья погрузилась в машину и отправилась на окраину.

Местные власти не пожалели денег ради того, чтобы порадовать народ: под пиротехнику выделили огромный пустырь у загородного парка. Зрелище устроили поистине грандиозное. Огненные букеты взмывали к самым облакам, рассыпаясь ослепительным разноцветным дождем. Толпа то и дело взрывалась восторженными криками, заглушавшими грохот залпов. Такого великолепия не видели не то что старшие, Ли Сы с женой, но даже искушенные Гоудань и Ван Сюань. Полноценное шоу шло целых полчаса — размах и впрямь был царский.

Насмотревшись на это чудо, Ли Сы и госпожа Яо еще долго не могли прийти в себя от восторга. Обоим казалось, что краше этого они в жизни ничего не видели — вот уж точно, на старости лет мир повидали! Бэйшэн и вовсе прыгал от возбуждения. Всю дорогу обратно он так и не затыкался, требуя немедленно купить ему таких же хлопушек, чтобы запустить дома.

— Даже если у тебя карманных денег хватит, у нашего дома взрывать ничего нельзя, — лениво отозвался Гоудань, крутя руль. — Штраф выпишут такой, что мало не покажется.

Бэйшэн обиженно надул губы:

— Это еще почему? Другим, значит, можно, а нам нельзя?

— Те «другие» — это государство, — мягко пояснил Ван Сюань. — Простым людям вроде нас запускать салюты в городе запрещено, для этого есть строго отведенные места. И это правило касается всех, а не только нашей семьи. У твоих друзей, Паньпаня и Жуйжуй, дома тоже никаких петард нет.

Против такого аргумента Бэйшэн возразить не смог, но все равно притих, раздосадованный. Детскому уму было трудно примириться с тем, что вещь можно спокойно купить, но нельзя использовать.

— Ну сам подумай, — продолжил Ван Сюань, погладив мальчика по голове. — Мы ведь посмотрели такую красоту и ни копейки не потратили, здорово же? Цветы огненные, огромные, прямо под облаками раскрывались! Но вот теперь потрогай свои волосы. Чувствуешь, какие они пыльные? И в носу как будто свербит, верно?

— Ой, и правда... А почему? Я же в грязи не валялся!

— Конечно не валялся. Просто когда салют взрывается в небе, от него вниз летит невидимая

пороховая гарь и зола. Она и пахнет неприятно, и на голову оседает. Представь, если бы в каждом дворе начали жечь порох? Весь город бы утонул в грязи и копоти. Наши чистые окна мигом бы покрылись сажой, да и дышать в такую вонь вредно для здоровья. Вот власти и решили: пусть салюты пускают только в одном месте, зато все увидят и никто не пострадает.

После такого подробного объяснения Бэйшэн наконец успокоился и перестал дуться. Дома всех отправили в душ смывать невидимую гарь, а после они мирно съели по чашке горячей рисовой каши на поздний ужин.

С окончанием Праздника фонарей Новый, 2003 год окончательно уступил место будням.

На улицах еще покачивались под ледяным ветром красные бумажные фонарики, а на дверях алели свежие парные надписи с пожеланиями счастья, но праздничное настроение уже улетучилось. На самом деле большинство предприятий и госучреждений открылись еще на седьмой-восьмой день лунного месяца, запустив привычные шестеренки огромного городского механизма. Миллионы рабочих, уезжавших на праздники в родные провинции, полноводной рекой хлынули обратно. Столица вновь забурлела, зашумела машинами и запестрила толпой, возвращая себе облик вечно спешащего мегаполиса.

По итогам прошлогоднего годового собрания Гоудань провел крупную кадровую перестановку, продвинув на ключевые посты перспективную молодежь — ребят амбициозных, хватких, с горящими глазами. Его подход к управлению корпорацией «Триумф» в корне отличался от общепринятого. В старых китайских компаниях руководство панически боялось доверять дела новичкам, предпочитая держать на плаву заслуженных, но замшелых ветеранов. Гоудань же сделал ставку на разумный баланс: в его кадровой обойме нашлось место и проверенным бойцам, и дерзким дебютантам. Тех, кто верой и правдой ковал величие компании с первых дней, он, разумеется, не обижал пенсиями и премиями. Но если человек за десять лет работы так и не нажил ничего, кроме закостенелого консерватизма и страха перед переменами, то руководящее кресло ему не светило. Поначалу это смелое решение вызвало волну недовольства среди старой гвардии — пошли жалобы, что руководство, дескать, обделяет вниманием заслуженных кадров.

Однако Гоудань оставался непреклонен. Опыт старых кадров неоценим, и списывать толковых ветеранов со счетов никто не собирался. Но продвигать человека только за выслугу лет он не собирался. Сейчас под крылом «Триумфа» стремительно развивались новые, высокотехнологичные направления, требовавшие гибкости ума, нестандартных решений и звериного рыночного чутья. Именно здесь молодая кровь пришлась как нельзя кстати. Безусловно, у каждого поколения были свои сильные и слабые стороны: старики брали взвешенностью, юнцы — безудержной фантазией и смелостью. И задача Гоуданя как главы огромной империи заключалась именно в том, чтобы удержать этот хрупкий баланс.

Новые руководители заняли свои места, совет директоров и аналитические отделы работали как отлаженный часовой механизм. Раздав поручения и распределив задачи, Гоудань решил, что пришло время отдохнуть, и объявил о начале семейного отпуска за границей. Ли Сы уже не боялся летать, но трястись в кресле по десять-двенадцать часов до Европы или Америки мужчине на пороге семидесятилетия было бы тяжело. Исходя из этого, первой остановкой в их путешествии Гоудань выбрал соседнюю Японию — и лететь недолго, и посмотреть есть на что.

Отец поначалу уперся:

— На кой лад нам эти японские черти сдались? Чего мы там не видели?

— Батя, мы едем просто мир посмотреть, — терпеливо объяснял Гоудань. — Никто тебя не заставляет любить местных. Но природа у них красивая, почему бы не взглянуть? Это обычная туристическая поездка, не надо мешать в кучу исторические обиды и политику. В конце концов, Япония — лишь крошечный лоскут на карте огромного мира.

Поначалу Ли Сы и госпожа Яо чувствовали себя не в своей тарелке: все-таки первая поездка за рубеж, да еще и в страну, о которой у старшего поколения китайцев остались самые мрачные воспоминания. Но стоило им сойти с трапа самолета, как дорожная тревога мало-помалу улеглась. В воздухе веяло весенней прохладой, однако местный климат, в отличие от колючего и сухого столичного ветра, казался удивительно мягким и влажным. Если бы не чужая, совершенно непонятная речь, звучащая со всех сторон, прохожие ничем бы не отличались от соотечественников: те же темные волосы, те же карие глаза.

Хотя сходство было лишь поверхностным. В народе не зря говорят: в каждой деревне свои обычаи, в каждом уезде свои порядки — что уж говорить о странах, разделенных морем. Стоило приглядеться внимательнее, и различия тут же бросались в глаза: осанка, манера держать себя, средний рост, черты лица, даже едва заметная мимика, жесты и улыбки — все у японцев было совершенно иным.

Путешествие совпало с порой пышного цветения сакуры. Ушлый гид первым же делом повез их к знаменитой Фудзияме. Величественный заснеженный пик высился на фоне ясного неба, а у его подножия до самого горизонта тянулись цветущие сады. Такой утонченной, умиротворяющей красоты деревенским жителям видеть еще не приходилось. Легкий ветерок срывал нежно-розовые лепестки, кружа их в воздухе живым листопадом. Казалось, вся семья перенеслась в какой-то фантастический, нереальный мир. Кругом расстиралось бесконечное розовое море.

— Это что ж за цвет такой дивный? И как звать-то его? — пробормотал Ли Сы, во все глаза глядя на деревья.

Всю свою жизнь этот человек провел в глухой деревне, в изнурительной борьбе с нищетой и неурожаями, отродясь не задумываясь о высоких материях и изящных искусствах. Но сейчас эта невероятная картина заставила его сердце замереть. Ошеломляющая, величественная красота. Когда нежных лепестков становится так много, что они затапливают все вокруг до самого горизонта, это зрелище невольно потрясает до глубины души даже самого сурового и приземленного человека.

Ван Сюань без усталости щелкал затвором новенького фотоаппарата, делая снимок за снимком: портреты, общие планы, забавные кадры с Бэйшэном. Под раскидистыми ветвями вековых деревьев на расстеленных ковриках сидели местные жители — целыми семьями или шумными дружескими компаниями. Они неспешно пили чай, лакомились суши и любовались цветами.

— Чудно как-то, — тихо заметил Ли Сы, покачав головой. — У нас в деревне никто так время не проводит. Чтобы вот так просто сидеть под деревом без дела всей гурьбой? Невиданно.

Они любовались горами, бродили среди лепестков сакуры и пробовали диковинные местные блюда. День тянулся лениво и беззаботно. Взрослые, привыкшие всю жизнь пахать без продыху, от такого безделья чувствовали себя непривычно, зато Бэйшэн сиял от счастья. Мальчишка, который дома порой капризничал за столом, здесь демонстрировал отменный аппетит. Он за обе щеки уплетал всевозможные лакомства с уличных лотков, и если бы не строгий присмотр старших, давно бы забросил нормальные обеды ради сладкой ваты и жареных шашлычков. Это был отдых в самом чистом его проявлении — без забот, без спешки, когда можно просто радоваться каждому дню.

Спустя несколько дней Ли Сы заметно оттаял. Скрытая неприязнь еще теплилась в его душе, но он хотя бы перестал цедить сквозь зубы пренебрежительное «японишки». Старик не мог не признать: какими бы грехами ни славилось это государство в прошлом, жили тут люди на зависть сытно и богато. Повсюду царила чистота и порядок. Гоудань и Ван Сюань на расходах не крохоборничали — для стоянок, ужинов и прогулок выбирались лучшие и самые комфортные места, чтобы старшие ни в чем не знали нужды.

Правда, с едой возникли трудности. Местная кухня разительно отличалась от домашней, и Ли Сы с госпожой Яо никак не могли к ней привыкнуть. Ирония заключалась в том, что деликатесы, от которых старики со вздохом воротили носы, стоили баснословных денег и готовились из свежайших продуктов экстра-класса. Гоуданю пришлось спешно искать поблизости приличный китайский ресторанчик, чтобы отец наконец-то поел сытно и с удовольствием. Хуже всего у Ли Сы пошли сашими.

— Как это — сырьем трескать? — возмущался старик. — Рыба же, небось, тинной воняет! Да и вообще, разве ж можно сырое мясо в рот брать? Дикари какие-то, прости господи... Неудивительно, что они в свое время людей не жалели! — В сердцах он опять вернулся к старым обидам. — И порции у них смехотворные. Разве ж это обед? Принесут тарелочку с ладонь шириной, а на ней три травинки лежат. Кому это есть-то? Дорого, мало, курам на смех! Скупердяи несчастные. Да еще и соусы их пахнут как-то странно, аж с души воротит.

Вообще-то Ли Сы никогда не отличался капризным нравом. Человек, заставший самые голодные годы, привык радоваться любой миске каши и никогда не привередничал. Но его нынешнее ворчание свидетельствовало лишь об одном: старик попросту устал, толком не выспался и остался голодным, отчего и сделался раздражительным. Для какого-нибудь гурмана эти изысканные японские блюда показались бы пищей богов, но для простого китайского крестьянина они были чуждыми и безвкусными. А когда человек не может нормально поесть, откуда взяться хорошему настроению?

Понимая это, Гоудань и Ван Сюань сразу скорректировали планы и стали бронировать столы в проверенных китайских ресторанах. Только после сытного домашнего обеда Ли Сы наконец повеселел. С жильем тоже вышли накладки. Изначально они забронировали номера в шикарном пятизвездочном отеле, но роскошный современный интерьер только угнетал старика, он ворочался без сна до утра. Казалось бы, дома он за свою жизнь в каких только лачугах ни спал, а тут вдруг не смог привыкнуть к мягкой постели.

Тогда Гоудань решил снять просторную старинную усадьбу в традиционном японском стиле. Дом был полностью деревянным, с ухоженным садом, зеленым газоном под окнами и легкими раздвижными перегородками-сёдзи. Здесь царил покой, пахло сухой древесиной и травой. Такое жилье Ли Сы сразу пришлось по душе.

— Вот это дело, — одобрил старик, расхаживая по мягким татами. — Почти как у нас дома: просторный двор, зелень под окнами. Куда лучше этих ваших каменных многоэтажек.

— Ну, до нашего дома тут далеко, — улыбнулся Гоудань. — Это историческое здание, построенное из ценных пород дерева. Когда-то здесь жил знатный самурайский род, а уже потом дом отреставрировали, расширили и приспособили для гостей. А наши дома в Столице и в деревне — это современная работа, бетон и арматура. Совсем другие технологии.

— Да мне без разницы, самураи тут жили или нет, — отмахнулся Ли Сы. — Главное — этаж первый, земля рядом и дышится легко.

Неудивительно, что отец так и не полюбил Столицу. Даже в загородном коттедже он всегда выбирал комнату на первом этаже, хотя и там сокрушался, что пол залит бетоном и отрезан от настоящей живой земли. Одно время Гоудань купил просторную квартиру в элитном жилом комплексе неподалеку от детского сада Бэйшэна — на шестом этаже, с лифтом и панорамными окнами, но Ли Сы наотрез отказывался там оставаться. Старики в поездках всегда полны причуд, особенно такие, как отец, всю жизнь не выезжавший дальше уездного города. Если бы сыновья не выбились в люди, старик наверняка так и прожил бы всю жизнь по заветам предков: родился в деревне Сикань, пропахал там весь век и там же лег бы в землю. Родная лачуга, пусть и похожая на собачью конуру, грела душу, а в чужих богатых чертогах ему никак не спалось спокойно.

За границей они провели целую неделю — по меркам вечно занятого Гоуданя, это был королевский отпуск. К концу поездки Ли Сы даже вошел во вкус. Накануне отъезда, глядя на спешащих по делам прохожих, он задумчиво произнес:

— Надо же... В войну японцы такими лютыми зверями были, а поглядишь на них сейчас на улицах — люди как люди, самые обычные. Сразу и не поверишь, на какие зверства они когда-то были способны.

Когда японские захватчики бесчинствовали в Китае, Ли Сы был совсем еще несмышленным ребенком. Едва ему исполнилось восемь, врага наконец прогнали, но на смену японской оккупации тут же пришла кровопролитная гражданская война. С самого детства он рос под страшные рассказы выживших односельчан, невольно впитывая глухую народную ненависть к завоевателям. И этот горький след в памяти остался с ним на всю жизнь — не столько как злоба, сколько как священный долг никогда не забывать пережитое горе.